

РАЗГОВОР ОБ АКТЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ

— В театре мы сегодня позволили себе расслабиться и распусться, уверенные в безнаказанности. Вроде бы какими приборами проверить подлинность твоего чувства? Кто установит меру для вдохновения? Странные вопросы. В нашем деле, как в балете, музыке, спорте, необходим непрерывный тренаж. Мы чудовищно много сидим на репетициях. Ведем «застольные» дискуссии, упражняемся в логике, красноречии, докапываемся, мотивируем и... бездействуем. Выкроить бы час-другой, чтобы ежедневно «постоять у станка», поиграть гаммы и пассажи актерской техники.

Кажется, с нашей профессией не вяжется слово «работа». Как ни крути, а это игра, отнимающая, однако, массу сил, в том числе и физических. Послушное тело, сильные связки — гарантия твоей «самоокупаемости». В нужный момент они и подадут импульс вдохновению. Ощущение куража на сцене ни с чем не сравнимо. Даже волнение перед ним отступает. Вернее, уже не обесточивает актера, а подбадривает, тормозит.

— Когда вы испытывали нечто похожее в последний раз?

— В театре — очень давно. Пожалуй, лишь в «Учителе танцев». Я играл его на протяжении двадцати лет. Помню, как ближе к финалу подспудно накапливалось психическое утомление, даже раздражение. Требовались дьявольские усилия, чтобы не пробалтывался текст. Старый спектакль, сколь совершенен бы он ни был, всегда «несет», увлекает исполнителей по течению. Сегодня в театральную экономику внедряются западные принципы, репертуарные долгожители становятся нереальными, и соответственно снимаются все связанные с ними проблемы. А я на днях случайно услышал по радио крейновскую музыку из «Учителя...», и — кольнуло сердце. Неужели никогда?

— Никогда!

— Вероятно. Вот молодой артист пробует в роли Альдемаро: «А можно снять плащ? Можно отстегнуть шпагу?». Хороша комедия «плаща и шпаги» без того и другого! Театр подразумевает вкус к форме — это однозначно.

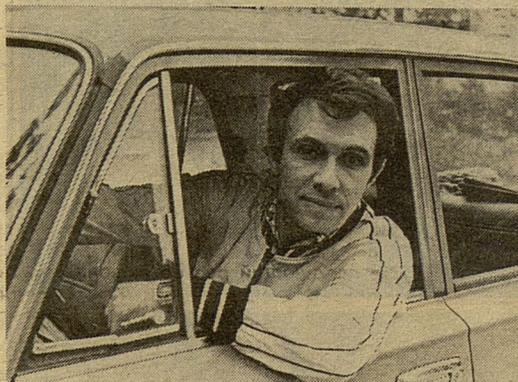
Великий психолог Ильинский вышел из школы гениального «формалиста» Мейерхольда. Биомеханика стала для него ключом и постижению человеческой природы.

Олег Борисов, ошеломивший Москву в «Павле I», на мой взгляд, ставил перед собой прежде всего чисто технологические задачи. И решил их с блеском. А восхищаются глубиной раскрытия образа, нюансировкой характера. Значит, посыл был верный.

Поиск формы способен доставить истинное наслаждение. Когда мы репетировали «Лес», я «охаживал» своего Буланова со всех сторон, придумывал подробности. Нашел для него напряженную посадку головы, вытянутую шею — от привычки слушать подсказки. Обжорнал рукава и брюки — гимназический мирок тесен этому недорослю, уже ощущающему томление

Федор ЧЕХАНКОВ:

«Вам скучно? Давайте играть!»

плоти. Перед генеральным прогоном мы выспали на сцену, отработывая трюки, кульбиты, прыжки. Как мне закружить Гурмыжскую, чтобы зритель увидел в нашем вращении и комизм, и соблазн, и изящество? С какой амплитудой должны взлетать начели, чтобы это выглядело эффектно даже при столь огромных масштабах сцены ЦАТСА? Мы примеривали на себя спектакль, как костюм, и напоминали разминающихся циркачей. Режиссер Владимир Мотыль позже признавался, с каким удовольствием наблюдал за нами.

— Справедливо ли сказать, что публике надоело платить авансы за былые заслуги!

— Да, по-видимому, вы правы. Период деликатного взаимного обмана кончился. Мы дискредитировали себя собственной легковесностью и некомпетентностью. Наш век — век узкой специализации. Все обо всем понемногу слышаны — достаточно, чтобы поддержать кулуарную беседу, и смехотворно мало, чтобы

претендовать на «новое слово». Профессионалы безоговорочно вытесняют дилетантов.

— Вам трудно сегодня, Федор Яковлевич!

— Я каждый день прихожу в театр с ожиданием роли, потребовавшей бы от меня иного качества мастерства. Принимаю упреки в нескромности, но какие уж тут реверансы, если сознаешь, что вот-вот — возрастной рубеж, за которым загаданное уже физически не реализовать. Я играю Достоевского, Мрожека, Мома... Необычайно увлекательно просто, внятно донести до зрителя идейную и духовную подоплеку их драматургии. Но... У меня есть ампула. Это не крамольный термин, не устаревшее изобретение, это зерно всякой актерской личности, наш рок. Поверьте, я знаю, что теряет актер, насилующий свою природу. А какой урон наносится театру? Скольких приятных мгновений лишается зритель?

Надеюсь на возрождение музыкальных спектаклей, некогда бывших визитной карточкой ЦАТСА. Надо торопиться, пока еще хочется играть.

Актеру пора прививать не смирение и долготерпение, а воинствующую самовлюбленность. Без тщеславия он — ничто. Конетничание личным обаянием, выглядывание из-под маски принято осуждать, хотя именно так зачастую подает голос настоящее дарование. Наша нынешняя одинаковость во всех ролях проистекает из равнодушия. В своей шкуре как-то комфортнее. Не чувствуем форму, не умеем выбирать и сидим в раковине. Самое ценное в артисте — его беззащитность на сцене, но мы не готовы раскрыться. Средний уровень театров, во всяком случае столичных, как бы заметно поднялся, и в то же время произошло их полное обезличивание. Поменяйте вывески — никто и не заметит. На сплошном сером фоне слегка расцветившая актерская работа — уже событие. Право, скучно... И нам, и публике, и критикам...

— Актеры опустили руки!

— Устали. Но устали, уверяю вас, от недоводки. Ноют без нагрузки мышцы — значит не все потеряно.

Воздух в стране, и вправду, стал чище, но разве жизнь людей облеглолась? У нас скромные возможности и весьма локальная задача: восстановить зрителю какие-то клетки, утерянные им за день. Я — за театр развлечения, за театр красоты!

От нас ждут игры, притворства, откровенного озорства. По-моему, это импонирует даже рабочим сцены. Кстати, теперь их уже не встретишь за кулисами каждый вечер, как бывало несколько лет назад, когда, выучив пьесу наизусть, они боялись упустить драгоценные сиюминутные импровизации. Вот вам и лишнее доказательство того, что нами завладели шаблоны.

Вам скучно? Давайте играть!

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.